

И. А. Максимцев

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ПАРАДОКСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Глобальная трансформация, свидетелями и активными участниками которой мы являемся, является беспрецедентной в истории и хозяйственной жизни человечества. Цивилизованный мир достиг максимального на сегодняшний день уровня связанности, благодаря экспоненциальному развитию информационных технологий, включая средства связи и передачи данных. Степень влияния человека на окружающую среду стала решающей силой, определяющей будущее развитие планеты. О переходе на новый этап эволюции биосферы в результате усиления влияния человеческой деятельности на окружающую среду говорит известное учение В.И. Вернадского о ноосфере Земли – сфере взаимодействия человека и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития. Понятие «ноосфера» было предложено профессором математики Университета Сорбонны Эдуардом Леруа совместно с геологом, палеонтологом-эволюционистом Пьером Тейяром де Шарденом. При этом, они основывались на лекциях по геохимии, которые в 1922-23 годах читал в Сорбонне Владимир Вернадский. В развитие данного подхода, уже с точки зрения разнонаправленного воздействия человека на окружающую среду, Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил термин «гомосфера» — т. е. сфера влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности — как разумной, так и неразумной. Так как разрушительное воздействие человека на окружающую среду многократно превышает созидательное, первостепенное значение приобретает введенное Д.С. Лихачевым понятие «экология культуры». Он отмечал, что в истории существует три этапа развития подходов к проблеме природы и культуры:

пройденный этап насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого; второй этап, к которому общество переходит в текущий период – разумное изъятие, но также насильственное; и третий этап, возможный в отдаленном будущем – полное прекращение насилия над природой и культурой, и их объединение. Довольно оптимистичный взгляд ученого, который, в то же время, можно воспринять как призыв к действию по переходу от декларации целей устойчивого развития к их настоящей реализации на глобальном уровне.

Эксперты Римского клуба еще в 2018 г. в своем юбилейном докладе «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» назвали современную геологическую эпоху «Антропоцен», определяя его как «век человеческого главенства во всех планетарных аспектах, в том числе, и в отношении биогеохимического состава», так как деятельность человека стала определяющей для будущего всей планеты. Становится ли при этом мировая хозяйственная система более эффективной с точки зрения информационной симметрии, достижения более высокого уровня благосостояния людей, справедливого распределения богатства и сбалансированного устойчивого развития человека и человечества в меняющейся окружающей среде? Ответ на этот вопрос будет неоднозначным. И есть большой смысл в его обсуждении как на уровне фундаментальных наук, так и с точки зрения практических решений в системных парадигмах «хозяйственная деятельность – окружающая среда», «человек – машина», «конкуренция – кооперация» и др.

Прежде всего, необходимо отметить множественные парадоксы, которые мы наблюдаем в современном развитии мировой экономики. Отметим лишь ключевые из них.

1. Глобальная открытость, развитие международных цепочек добавленной стоимости, глобальная либерализация против локального экономического национализма, торговых и тарифных

войн, регионального протекционизма, абсолютизации экономического суверенитета как приоритета развития. Очевидно, что на сегодняшний день ключевым внешним фактором, влияющим на развитие и степень гомогенности многих развивающихся интеграционных систем, в том числе, такого перспективного объединения, как БРИКС, являются тактические и стратегические шаги Администрации США: меры тарифной политики, общая логика ведения курса (т.н. «Deal») как последовательности межгосударственных сделок на основе сильной переговорной позиции (*bargaining power*), шантажа и выторговывания выгодных условий. Также вопрос переноса производств, ориентированных на экспорт в США, из Китая в Индию, и переориентация Индии на закупку американской военной техники, в какой-то степени размывает концентрацию объединения на общих целях развития и способствует развитию т.н. «политики многовекторности» со стороны руководства стран-участниц объединения.

2. Глобальный консенсус относительно стремления к достижению 17 Целей устойчивого развития ООН (среди которых, в том числе, 16-я цель по «содействию построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечению доступа к правосудию для всех и созданию эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях») и, с другой стороны, - пассивность таких институтов международного регулирования, как Генеральная Ассамблея ООН, ВТО и др., а также управляемая эскалация военных конфликтов и общая милитаризация национальных экономик.
3. Переход развивающихся стран к более интенсивным моделям развития, возникновение новых «полюсов роста» и, с другой стороны, увеличение глобального неравенства между: регионами мира,

регионами внутри стран, развитыми и развивающимися экономиками (ось «Север-Юг»). Данный парадокс, во многом, проистекает из предыдущего пункта: в условиях пассивности международных институтов регулирования международной торговли и других видов экономической деятельности система международных переговоров, основанная на верховенстве закона, уступила место переговорам, основанным на «праве сильного» (power-based bargaining vs. law-based bargaining).

4. Рост инноваций в глобальной экономике, с одной стороны, и достаточно медленное восстановление экономического роста - с другой. На сегодняшний день только у одной экономики мира – Индии (в том числе – как у одной из немногих стран - частичных бенефициаров торговой войны США) – сохраняются достаточно высокие темпы экономического роста, однако, Министерство статистики и выполнения программ Республики Индия пересмотрело прогноз роста ВВП по итогам завершающегося 2024-25 финансового года в сторону понижения – с 6,5 - 7 до 6,4 % (тогда как в предыдущем финансовом году рост достиг 9,2 %). Это самый низкий показатель роста за четыре года, что обусловлено ослаблением производственного сектора и замедлением корпоративных инвестиций. Вопрос слабой динамики национального экономического роста стоит на повестке большинства национальных правительств, при этом, анонсированные Администрацией США новые тарифные ограничения заставляют транснациональные корпорации по всему миру пересматривать собственные цепочки поставок, системы управления рисками и стратегические планы развития. Таким образом, в кратко- и среднесрочной перспективе рост скорости внедрения новшеств не даст сопоставимого эффекта в части экономического роста.

5. Появление новых, супер-инновационных секторов производства и, одновременно, рост инноваций во всех отраслях, включая традиционные добывающие – таким образом, все отрасли становятся высокотехнологичными. С одной стороны, это приводит к ускорению инновационных циклов и усилению конкурентной борьбы крупных корпораций во всех без исключения отраслях – следовательно, растут потребности в капиталовложениях, что может означать вероятность роста глобальной инфляции и перегрева на рынках денег и других финансовых активов. Данные тенденции уже можно наблюдать в результате возвращения к политике количественных смягчений ФРС США (ключевая ставка (Fed Funds Rate) в декабре 2024 г. была снижена до уровня 4,25–4,5%, и сейчас остается без изменений) и прогноза о росте инфляции США, которая, очевидно, будет экспортироваться в остальной мир.
6. Рост значения бизнес-сообществ и, в то же время, индивидуальных инициатив, благодаря развитию современных коммуникационных сетей. Имеем в виду переход к моделям распределенного бизнеса на основе платформенных решений – т.е. к бизнес-экосистемам. Таким образом, возникает совокупность бизнес-единиц, взаимодействующих между собой в рамках горизонтально ориентированной сети на основе явных и скрытых контрактных отношений. При этом, сохраняется возможность у единичного потребителя товара / пользователя услуги повлиять на репутацию любой компании, выразив свое мнение в Интернет-пространстве. Это усложняет деятельность транснациональных компаний во всех без исключения отраслях.

В целом, парадоксальность современного этапа развития глобальной экономики можно свести к дихотомии «фрагментация – связанность»:

цепочки производства продолжают оставаться международными, производства – распределенными, развиваются стратегические альянсы, промышленные кластеры, бизнес-экосистемы на уровне компаний, интеграционные объединения на уровне государств, и, в то же время, сохраняется курс на милитаризацию экономик, торговые войны, архаичные методы конкурентной борьбы, идущие вразрез с системой международного права, приводящие к разрыву ранее устойчивых цепей поставок и фрагментации экономического пространства.

Тем не менее, мы будем жить в эпоху развития ситуативных сообществ, коалиций и партнерств как на уровне компаний, так и стран мира. Союзы станут более краткосрочными, с учетом общего роста степени неопределенности и ускорения производственных и экономических циклов, их состав будет часто меняться, таким образом, от всех субъектов глобальной экономики потребуются большая скорость реакции и гибкость в принятии решений.

С точки зрения сохраняющегося стремления государств мира к достижению целей устойчивого развития (вынесем на скобки вторичный выход США из Парижского соглашения по климату в январе 2025 г.), существует потребность в дальнейшем развитии экономики замкнутого цикла и экосистем промышленного симбиоза (когда отходы одного предприятия становятся сырьем для другого). Такие системы обычно начинают образовываться на локальном, региональном уровне, далее опыт распространяется на макрорегион (например, развитие международного проекта “Baltic Industrial Symbiosis” / Балтийский Промышленный Симбиоз). Развитие таких проектов обусловлено не только их экономической целесообразностью с точки зрения вопроса экстерналий (эффектов) для самих предприятий и региона, в котором они базируются, но и с позиции перехода к новой парадигме экологичного мышления. Это особенно важно в условиях необходимости обновления системы высшего

экономического образования, которое призвано не только готовить профессионалов, но и воспитывать мировоззрение граждан, чувствующих причастность и ответственность за будущее своего региона и страны в целом. В этом смысле, развитие студенческих сетевых проектов, команд и стартапов является приоритетным направлением для Санкт-Петербургского экономического университета. Ребята изучают существующие межфирменные и межстрановые сетевые взаимодействия и предлагают свои решения, в том числе – в рамках молодежных программ ключевых конгрессных мероприятий – таких, как Молодежный Петербургский международный экономический форум.

С концептуальной точки зрения можно анализировать процессы взаимодействия между странами мира на микро-, мезо- и макроуровнях в терминах «экономики сообществ», «институтов коллективной деятельности», «общих пулов ресурсов» (common-pool resources), а также построения сетевой экономики на основе цифровых платформ и не только с точки зрения развития двух- и многосторонних инвестиционных проектов, в том числе носящих экологический и социальный характер.

Готовы к сотрудничеству со всеми заинтересованными коллегами по данному приоритетному направлению развития!